

Плетнева А. Лубочная Библия. Язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.

Совокупные тиражи лубочных изданий в конце XIX — начале XX в. (когда это стало возможно посчитать) исчислялись многими тысячами экземпляров. Про более раннее время сведений нет, однако о популярности лубочных картинок можно судить по их регулярному упоминанию в «высокой» литературе то в качестве яркого, выразительного и обязательного атрибута крестьянской и мещанской жизни, то в качестве объекта для насмешек и издевок. Антиох Кантемир во втором Письме «К моим стихам», обращаясь к неизданным своим сочинениям, подчеркивает, что лучше им лежать в ящичке, чем оказаться ненужными вместе с лубочными повестями:

*Когда уж исселенным время ваше пройдет,
Под пылью, молям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток*

свиты

*Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть*

мало)

Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало.

[Кантемир 1956: 217]

А в примечании поэт поясняет: «Две весьма презрительные рукописные повести о Бове-королевиче и о Ерше-рыбе, которые на Спасском мосту с другими столь же плохими сочинениями обыкновенно продаются» [Кантемир 1956: 220] (на Спасском мосту продавалась лубочная литература).

Один из наиболее ранних видов — лубочные картинки на библейские темы — представляет особый интерес для исследователя и в силу особенностей его бытования, и в силу того, что в нем отразилась история и специфика так называемой «народной религиозности». Лубочная Библия дает возможность проследить и пути формирования религиозных представлений, и соотношение различных источников сакрального знания, и рецепцию и использование церковнославянского языка в «низовой» культуре.

Книга А. Плетневой, в сущности, попытка взглянуть на это явление с совершенно новой точки зрения: глазами не искусствоведа, а лингвиста и текстолога. Т.е. в фокусе исследования находится не столько изображение, сколько текст. Это, однако, вовсе не означает, что изобразительная сторона осталась вовсе за рамками работы. Напротив, А. Плетнева активно использует обращение к визуальному компоненту для анализа и комментирования вербального.

Формально издание представляет собой публикацию текстов библейских лубков, снабженных обширным справочным и критическим аппаратом, в том числе большим — на 120 страниц — «Введением в проблематику». Оно состоит из следующих глав: «Общие проблемы лубочной письменности», «Библейский лубок и его история», «“Старое” и “новое” восприятие библейских сюжетов», «Церковнославянские библейские лубки», «Русский библейский лубок», «Лубки на основе литературных поэтических текстов», «Библейский лубок и устная народная традиция». Такая рубрикация исследования затрагивает наиболее существенные и недостаточно освещенные проблемы лубочной литературы. Так, скажем, в искусствоведческой литературе время от времени затрагивался вопрос о языке лубка, настолько «неправильного», по мнению исследователей, что он просто объявляется неграмотным и непонятным никому, кроме создателей [Соколов 1999: 105]. Более того, текст на лубочной картине, согласно тому же автору, есть не что иное, как просто знак принадлежности картинки более высокой культуре, т.е. он вовсе не читался, да и едва ли мог быть прочитан [Соколов 1995: 55]. Схожей теории придерживается А.И. Рейтблат, хотя высказывает ее более сдержанно и аккуратно: «Неполная ясность текста выступала в качестве показателя высоких его достоинств, мудрости и глубины» [Лубочная книга 1990: 387]. А. Плетнева убедительно доказывает, что «неправильность» и кажущаяся непонятность языка лубочных картинок не может быть списана лишь на элементарную неграмотность авторов и нетребовательность покупателей. Ее объяснение — более сложное и во многом объясняющее специфику лубочного текста — таково: обучение грамоте в крестьянской и мещанской

среде сохранило допетровскую специфику. Первыми книгами были церковнославянская азбука и Часослов. При этом обучали не столько письму, сколько чтению, т.е. сложные и в XVII в. уже вполне унифицированные орфографические правила (употребление дублетных букв, расстановка диакритических знаков, сокращение слов и использование выносных букв и т.д.) не разяснялись. Важно было уметь произнести текст, а не написать его. Таким образом, для тех сословий, которые были основными потребителями лубочной литературы, письменность была именно церковнославянской, русский же язык был именно устным. Отсюда ориентация на старые книжные образцы, причем традиционно на рукописные, а не печатные (собственно, и резались гравюры, и рисовались старообрядческие лубки вручную). Что же касается церковнославянской рукописной традиции, то для нее характерны такие «неправильности» языка, как слитное написание предлогов, отсутствие или нерегулярное использование прописных букв и знаков препинания, смешение дублетных букв и т.п. — все то, что в лубке кажется «неправильным» (С. 40–46). Недостаточное владение письменным церковнославянским, отсутствие навыка к составлению текстов на нем и активное использование книжных (в том числе и рукописных) образцов привело к формированию особой лубочной «стилистики» и системы письма, которой автор книги уделяет особое внимание.

Большое внимание и в исследовании, и в комментариях уделено источникам текстов библейских лубков. Не всегда оказалось возможным найти их, однако в ряде случаев А. Плетнева аргументированно показывает, как авторы гравюр перерабатывали соответствующие стихи Московской Библии 1663 г., Елизаветинской Библии, литургических текстов, апокрифов (например, Палеи), а также ряда переводов, пересказов для детей библейских историй и даже «Потерянного рая» Дж. Мильтона. Переработка, как показано в книге, тоже была вполне осмысленной, и авторы руководствовались рядом вполне четких принципов, не просто сокращая текст, который должен был уместиться в качестве подписи под картинкой, но и выстраивая его в соответствии со своей логикой, не всегда совпадающей с логикой библейского образца. Так объясняется перестановка эпизодов в рассказе о творении мира: «Изменение порядка эпизодов в лубочном тексте, вероятно, связано с выстраиванием логики сюжета. Поскольку именно женщина нарушает высказанный Богом запрет, она должна появиться до того, как этот запрет будет высказан, т.е. она должна знать об этом запрете. Подобного рода перестановки в тексте характерны для лубочного библейского рассказа, в основе которого лежит сюжетное мышление» (С. 150).

Подробно анализируются особенности языка (прежде всего морфологии и графики) библейских лубков. Правда, в попытке выявить логику употребления тех или иных грамматических форм или принципов написания текста А. Плетнева, как кажется, чрезмерно увлекается перечислением различных языковых особенностей, стремясь увидеть систему там, где ее может и не быть. Утверждая, что «особенности лубочных текстов будут скорее со знаком “минус” по отношению к стандартному церковнославянскому» (С. 81), автор все же настаивает на некоторой системе, перечисляя «определенные позиции», в которых этот минус проявляется. В сущности, все эти позиции определены различием звучания и орфографической нормы (или традиции). И везде, где это различие имеется, неизбежно отступление от нормы и традиции: слитное / раздельное написание, использование диакритики, употребление дублетных, прописных букв и графических вариантов одних и тех же букв, морфологические категории, отсутствующие в русском языке (например, утраченные глагольные времена) и проч. Все это имитируется авторами лубков в меру их понимания и опыта, и едва ли есть надобность пытаться оформить все эти черты в систему особенностей лубочного текста.

Все остальные замечания, которые могут быть высказаны в адрес книги, относятся не к тому, что написано, а к тому, что не написано. Очень явственно заявленный курс на серьезное и обширное исследование все же не реализован до конца. Весьма часто приходится ловить себя на мысли, что автор, начиная рассуждать на важные, пусть и побочные темы, сам себя бьет по рукам, не давая отклониться в сторону или увлечься не вполне ключевыми вопросами. Заявив проблему, А. Плетнева оставляет читателя в недоумении по части дальнейшего ее обсуждения. Наиболее ярко это видно на примере главы, посвященной соотношению лубка и народной культуры. Собственно, все содержание этого раздела, занимающего лишь 4 из 390 страниц книги, сводится к тому, что хотя сходств много и они очевидны, но автор не будет на них сосредоточиваться, поскольку вопрос о том, какой текст первичен, а какой заимствован, не решен.

В ряде случаев таким же примерно способом А. Плетнева уходит и от обсуждения более частных проблем: сославшись на те или иные исследования, а то и вовсе не ссылаясь, она отговаривается фразами вроде «хорошо известно...», «как известно...» (С. 30, 31, 53, 60, 61 и др.). Если в ряде случаев поверить автору и цитируемым ею сочинениям можно, то иногда все же хочется более весомой аргументации.

Издание текстов составляет основной объем книги. В ней к каждому публикуемому тексту параллельно дается источник,

легший в основу лубка, затем приводится текстологический и лингвистический комментарий, раскрывающий другие источники, специфику авторской работы с ними и особенности морфологии и графики. Поскольку библейских сюжетов в лубочной литературе используется немного, естественно возникает ощутимое количество перекрестных ссылок. Это несколько затрудняет чтение, но позволяет избежать повторов. Правда, комментарий к текстам время от времени повторяет сказанное в исследовании, и даже местами излишне. Скажем, на с. 63–68 «Введения...» подробно излагается история возникновения и распространения в сюжете об убийстве Каином Авеля такой детали, как ослиная челюсть, послужившая убийце орудием. Затем этот же пассаж приводится на с. 154, в комментарии к соответствующему эпизоду лубка о Сотворении мира. Таких примеров можно привести еще несколько. Именно эти огрехи возвращают нас к композиции книги: читателю предлагается не монография, а научное издание текстов.

Тем не менее вопреки воле автора мы имеем дело хотя с кратким и не всегда доведенным до конца, но совершенно полноценным и глубоким исследованием истории возникновения, специфики языка, источников и вариантов, восприятия и бытования лубочной Библии в русской культуре XVII–XIX вв.

Библиография

- Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956.
- Лубочная книга / Подг. текста, сост., вступ. ст. и комм. А.И. Рейтблата. М.: Художественная литература, 1990.
- Соколов Б.М.* «Баба Яга деревяна нога едет с каркарадиллом дратитися»: Слово в лубке как символ «письменной культуры» // Живая старина. 1995. № 3. С. 52–55.
- Соколов Б.М.* Художественный мир русского лубка. М.: РГГУ, 1999.

Андрей Мороз